

Даниил Гранин. Он не боялся спорить с властью// Невское время.- 2007.- 29 авг.(№148).

Ради исполнения общественного долга академик Дмитрий Лихачев шел на риск. Издательством "Наука" выпущена новая книга профессора А.С. Запесоцкого "Культурология Дмитрия Лихачева", обсуждаемая в кругу петербургской интеллигенции. Публикуемые сегодня заметки писателя Даниила Гранина появились в результате дискуссий Даниила Александровича с автором книги.

Проблема личности и власти - это проблема не только интеллигенции. Это проблема всех порядочных людей, из каких слоев общества они бы ни происходили. Порядочные люди нетерпимы не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти.

Дмитрий Сергеевич вел себя тихо, пока его мнение не имело для общества и власти особого значения. Он работал, старался быть незаметным и беспокоился о собственной совести, о душе, желая максимально уклониться от любого, даже малейшего, участия в контактах с властью, тем более от участия в ее неблагоприятных делах. Спорить с властью, действовать публично на пользу общества Лихачев начал сразу, как только получил достаточный общественный статус, как только почувствовал свой вес, понял, что с ним стали считаться. Первыми замеченными в обществе поступками Лихачева стали его выступления о переименовании улиц и городов, в частности выступление на Ленинградском телевидении. Телевидением у нас тогда руководил Борис Михайлович Фирсов, по моему, весьма умный и порядочный человек. Выступление Дмитрия Сергеевича было вполне корректным по форме, но по сути - дерзким вызовом власти. Оказалось, что Лихачева за него наказать было трудно либо неудобно. Кара постигла Фирсова. Его уволили, и это было большой потерей для города. Таким образом, проблема "выступать - не выступать" против власти совершенно неожиданно приняла для Дмитрия Сергеевича другое измерение. Выступая в газете или на телевидении, он подвергал риску не только себя, но и тех людей, кто предоставлял ему возможность выражать свои взгляды, обращаясь к обществу, к массовой аудитории.

Второй жертвой власти в связи с лихачевскими выступлениями стал главный редактор» Ленинградской правды" Михаил Степанович Куртынин. Его уволили после статьи Лихачева в защиту парков. Куртынин, так же как и Фирсов, был хорошим редактором, и это событие также стало потерей для города. Понимал ли Лихачев, что в результате его выступлений могут пострадать другие люди? Может быть, и понимал, скорее всего, не мог не понимать. Но не мог промолчать. Разумеется, в обоих случаях и Фирсов, и Куртынин сами хорошо осознавали, что идут на риск, но, видимо, ими двигало то же, что и Дмитрием Сергеевичем: совесть, порядочность, любовь к родному городу, гражданское чувство. Отмалчиваться или выступать, не считаясь с опасными последствиями, - это вопрос непростой не только для Лихачева, это и для меня непростой вопрос.

Такой выбор рано или поздно встает перед каждым из нас, и здесь каждый должен принимать свое личное решение. Как бы то ни было, но Лихачев начал выступать. Что, собственно, произошло для него в результате? Он вышел из убежища. К примеру, проблема Царскосельского парка формально не являлась проблемой Лихачева как специалиста. Он вступал в конфликт с властью не как профессионал, специалист в своей конкретной области науки, а как деятель культуры, общественный деятель - во имя гражданских убеждений. Существенно, что на этом пути у него могли возникнуть не только неприятности личного свойства, но и помехи для научной деятельности. Так и случилось: он стал невыездным. Не выходил бы за рамки литературоведения - ездил бы за рубеж по различным конгрессам и так далее. Его деятельность - редкий пример в академической жизни. Чаще люди выбирают молчание в обмен на расширение профессиональных возможностей. Но если считаться с такими вещами, то нужно закрывать всякую возможность выражения своих гражданских чувств и строить отношения с властью по принципу "чего изволите?". Это вторая проблема, с которой пришлось столкнуться Дмитрию Сергеевичу, и он также решил ее в пользу исполнения своего общественного долга.

Не могу не вспомнить один весьма удивительный пример лихачевской отваги: его выступление вместе с Собчаком на площади у Мариинского дворца против введения чрезвычайного положения и ГКЧП. Тогда Дмитрий Сергеевич проявил настоящее бесстрашие. Выступление Собчака было по-настоящему красивым поступком. Но Анатолий Александрович был политиком. И часть профессии политика - рисковать. Для Дмитрия Сергеевича это не было профессией, но он принял одинаковую с Собчаком долю риска. Между прочим, исход политической схватки между демократией и прежним режимом был тогда совершенно неизвестен. Многие функционеры слали в Москву телеграммы с выражениями верноподданничества. А Лихачев выступил, причем безоглядно.

Традиционный конфликт между интеллигенцией и властью имеет глубинную природу. В тридцатые годы Мандельштам написал такие строчки: "Власть отвратительна, как руки брадобрея". Сегодняшней молодежи это трудно понять. А в то время процедура бритья содержала ныне исчезнувшие, но при старой технологии не совсем приятные моменты: стремясь выбрить клиента как можно чище, брадобрей мог взять его за нос, оттянуть щеку или залезть пальцами в рот. Делалось это во имя клиента, но... отвратительно.

Вот так и с властью. Власть невозможна без насилия, и уже этим отвратительна. Отвратительна и неизбежна. Интеллигенция чувствует это лучше, чем кто-либо. Отсюда - и противостояние.

Наверное, в разные эпохи, в разные исторические моменты страна получает разную власть. Когда-то власть более справедлива, когда-то - менее. Когда-то она совершает больше ошибок, когда-то - меньше. Но "эра милосердия" пока остается лишь утопией. А это означает, что перед каждым новым поколением

порядочных людей и перед каждым порядочным человеком в отдельности снова и снова будут вставать те же вопросы, примеры решения которых нам дал своею жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Даниил Гранин, писатель, почетный гражданин Санкт - Петербурга